

В. В. Пименов

ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЭТНОГРАФА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Что такое профессиональный этнограф? Какова его роль в современном советском социалистическом обществе? Каковы приемы и способы его профессиональной подготовки? Какие профессиональные навыки и нравственные принципы нужно ему прививать и в нем воспитывать? Все эти и другие вопросы встают перед нами, когда мы снова и снова вчитываемся в решения и материалы XXVII съезда КПСС, постигая их глубокий новаторский смысл. Рассматривая поставленные выше вопросы с этих позиций, в частности, под углом зрения утвержденных ЦК КПСС и Советом Министров СССР «Основных направлений перестройки высшего и среднего специального образования в стране»¹, необходимо признать, что наша университетская этнография — как ее преподавание, так и научная деятельность — нуждается в существенном совершенствовании. Вместе с тем понятно также, что такую перестройку нельзя проводить в стиле импровизации, подход к перестройке должны отличать глубокая проработка задач, рациональность предложений и взвешенность решений.

Общая концепция (или, если угодно, стратегия) предстоящей работы в решающей мере вытекает из всем известных партийных документов, из ясно сформулированного требования «замкнуть» перестройку на себя, на каждую кафедру, на каждого профессора, преподавателя или научного сотрудника. Иначе говоря, каждому из нас необходимо — путем критического анализа своей собственной деятельности и своих возможностей — определить тот реальный вклад, который мы можем внести в улучшение нашей работы.

Подготовка профессиональных этнографов должна быть тесно связана с общим уровнем развития этнографической науки и с участием университетских этнографов в решении задач, которые встают перед ней. Современное состояние этнографической науки характеризуется определенно выраженной тенденцией к усилению теоретического осмысления эмпирических данных, развитию методолого-методической стороны научной деятельности, а также, — и это особенно важно, — к исследованию *современной* отечественной и зарубежной этнической реальности. М. С. Горбачев на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук сказал: «Развертывающаяся перестройка дает ответственный социальный заказ системе общественных наук»... «Теоретическая мысль должна полнее и глубже раскрыть прежде всего особенности современной стадии социализма, отдельные этапы достижения им качественного нового состояния на период до 2000 года и далее. Она призвана дать научно-объективную картину современного мира в целом»². Понятно, что этнические аспекты этой картины призваны исследовать этнографы.

Из сказанного выше видно, что первая задача университетской этнографии состоит в том, чтобы постоянно и все более полно приводить

¹ Правда, 21 марта 1987 г.

² Горбачев М. С. Речь на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук // Правда, 2 октября 1986 г. С. 1.

преподавание этнографии в соответствии с общим уровнем развития нашей науки, с ее достижениями в теоретико-методологической области и с конкретными результатами исследований. Если же поставить вопрос о тех проблемах, которые будут решать этнография в предстоящие годы до конца столетия и соответственно о тех приоритетных направлениях, которые следует выбрать нам — преподавателям этой науки в университетах, то (полностью признавая, что на этот счет могут быть высказаны разные предложения; их было бы полезно обсудить и выбрать наилучшие) среди многочисленных и разнообразных проблем этнографии на первый план выдвигаются четыре, наиболее актуальные: 1) Роль этнического фактора (как одного из аспектов «человеческого фактора») в реализации НТР, в ускорении и интенсификации производства и совершенствования социальных отношений в СССР; 2) оптимизация межнациональных (межэтнических) отношений при социализме; проблемы интернационального воспитания граждан; 3) методы прогнозирования этнических процессов и управления ими; 4) критический анализ развития современной буржуазной этнографии.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что выделение этих приоритетных направлений не следует трактовать как нелепый призыв к свертыванию изучения других — классических и неклассических — этнографических тем и проблем, как отрицание необходимости исследования этногенеза, этнической истории и т. п. Напротив: изучение историко-этнографических сюжетов может и, несомненно, будет весьма полезно для современности, для развития теории этнографии, ее методологии и методики, а кроме того для обучения студентов — будущих этнографов. Однако усиление и расширение работ на приоритетных направлениях на нынешнем этапе становится все же главной задачей.

Серьезное систематическое этнографическое образование, как и всякое другое, обеспечивается преподаванием и усвоением ряда специальных дисциплин — теоретико-методологических, методико-технических, источниковедческих и других. Общее направление, основное содержание обучения специальности этнографа определяется, естественно, учебным планом. Нужно прямо сказать, что действовавший до сих пор учебный план не отвечал современным требованиям и нуждался в серьезных изменениях. Его тщательный анализ показал явную недостаточность в нем лекционных курсов, излагающих марксистско-ленинскую теорию нации, теоретические проблемы этнографической науки, этносоцологию и статистическую этнографию, статистические методы в этнографической науке, программирование массовых этнографических обследований, этногеографию и этнографическое картографирование, этнографическое музееведение. Кафедра этнографии Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, не дожидаясь дополнительных указаний, уже в 1986/87 учебном году ввела чтение перечисленных лекционных курсов.

В настоящее время кафедра этнографии подготовила новый учебный план, в котором, помимо названных изменений, предусмотрено обеспечить более системное, целостное преподавание этнографических дисциплин. Исторически сложилось, например, что изложение этнографии народов, расселенных за пределами нашей страны, оставалось чрезмерно фрагментарным: студентам предлагались курсы лекций по этнографии народов Австралии и Океании, Африки, Зарубежной Азии; в то же время освещение этнографии народов Зарубежной Европы было ограничено только спецкурсом о южных и западных славянах, а курс лекций о народах Америки вовсе отсутствовал. В новом учебном плане предусмотрено предложить студентам фундаментальный курс «Этнография народов зарубежных стран» (4 семестра), который даст будущим специалистам общую картину этнической истории и протекания современных этнических процессов в мире. В сочетании с курсом лекций «Этнография народов СССР» это обеспечит основательное знакомство студентов с общими и региональными проблемами этнографической науки.

Еще одним существенным нововведением станут спецкурсы, которые будут читать для студентов-дипломников преподаватели и профессора —

научные руководители этих студентов. Эти спецкурсы, близко связанные с темами дипломных работ, существенно помогут студентам в их подготовке.

Вместе с тем уже теперь ясно, что сделанного может оказаться недостаточно. Чтобы готовить профессиональных этнографов необходимо и в дальнейшем — по мере появления новых возможностей — совершенствовать учебный план и состав преподаваемых специальных дисциплин. Определенно можно сказать, что в ближайшем будущем понадобятся спецкурсы по этнографии города, по проблеме «Социалистический образ жизни и его этнические аспекты», по этнодемографии, этнопсихологии и фольклористике, по прикладной этнографии (включая прогнозирование этнических процессов). В соответствии с этим возникает серьезная и трудоемкая задача разработки новых лекционных курсов и семинарских занятий, а также их программ.

Особого внимания заслуживает вопрос о курсе «История первобытного общества и основы этнографии», читавшемся до самого последнего времени студентам первого года обучения на Истфаке МГУ. Не вдаваясь в историю вопроса о том, как возникло это противоречивее логики соединение в рамках одного лекционного курса двух разных дисциплин, кафедра этнографии решительно заявила, что дальше так продолжаться не может. К слову сказать, в прошлом полугодовой курс истории первобытного общества читался М. О. Косвеню отдельно от курса «Основы этнографии», и это было правильно и справедливо. Нет сомнения в том, что самая длительная эпоха в истории человечества — эпоха развития первобытно-общинной социально-экономической формации — заслуживает того, чтобы студенты-историки изучали ее более подробно, чем до сих пор. Необходимо отметить, что наше предложение было встречено с пониманием, поддержано деканатом Исторического факультета МГУ и включено в новый вариант учебного плана факультета.

Что касается лекционного курса «Основы этнографии», то он, несомненно, нуждается в совершенствовании. Пора отказаться от преимущественно описательно-страноведческого изложения фактических историко-этнографических сведений и перейти к проблемному показу и анализу социально-этнических ситуаций в разных регионах мира. Студенты, слушающие этот курс, должны получать сведения не только о формировании этнического состава и культурных особенностей на различных континентах и в отдельных странах, но и уяснить себе роль этнического фактора в политической жизни современного мира, наиболее существенные тенденции развития этнических процессов. Первые шаги в этом направлении уже сделаны.

Отдельно следует обсудить вопрос о так называемых фундаментальных лекционных курсах, к которым обычно причисляют много лет подряд читаемые традиционные курсы, чаще всего страноведческого характера. Едва ли, однако, следует считать фундаментальным курс только потому, что мы его давно читаем и к нему привыкли. Традиция — недостаточное для того основание. Фундаментальность, как в лекционном курсе, так и в научном исследовании, связана не столько с детальностью и полнотой описания объекта, сколько с творческим, научным постижением его сущностных характеристик, с познанием закономерностей его движения. Поэтому следует основательно изучить вопрос, какие традиционные курсы лекций действительно трактуют фундаментальные проблемы нашей науки, а какие являются чрезмерно описательными и нуждаются либо в перестройке, либо в сокращении.

Повышение качества лекционных курсов, семинаров и других практических занятий со студентами должно опираться на постоянное совершенствование и обновление ученых программ. Анализ программ, действующих в настоящее время, показал, что многие из них уже существенно устарели и не отвечают современному уровню науки. Кафедрой принято решение о срочной переработке существующих программ и подготовке новых по вновь вводимым курсам публикаций сборника этих программ.

Вопрос о теоретической подготовке будущих профессиональных этнографов является, конечно, очень важным, но далеко не единственным. Мы готовим студентов к практической работе. Такая постановка вопроса неизбежно заставляет задуматься о связи обучения с воспитанием.

Студента, будущего специалиста, воспитывает вся обстановка в университете, на факультете и на кафедре. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов воспитательное значение лекций, общения с преподавателями и т. п. Но больше и лучше всего студентов воспитывает личное заинтересованное творческое участие в учебно-производственном процессе. Обучение и воспитание — сложный многосторонний (по крайней мере, двусторонний) процесс. Образование, как известно, можно *дать* (это делают преподаватели), но его нужно еще и *взять* — и это уже дело студентов. Чтобы *взять* образование, требуются определенные навыки, определенные привычки. Учим ли мы, этнографы, этому наших студентов? И если да, то достаточно ли эффективно?

Многие помнят дискуссию двадцатилетней давности касательно того, что такое студент: «сосуд», который надо наполнить, или «факел», который нужно зажечь? При всей броскости этих метафор, они ни сами по себе, ни в их противопоставлении друг другу не выражают сути дела. Всякому серьезному преподавателю ясно, что студент — это человеческая личность, которая подвергается разнообразным воздействиям, но вместе с тем живет своей собственной жизнью. Каждый серьезный преподаватель — и этнограф в том числе — знает, что пробудить в студенте интерес к науке можно лишь на базе определенного минимума уже усвоенных знаний и умений, которые достаются только путем направленных трудовых усилий с обеих сторон — со стороны преподавателя и со стороны студента, путем штудирования, изучения, путем накопления знаний.

И вопрос заключается не в том, чтобы освободить студентов от тщательного изучения этнографической литературы и источников, учебников, учебных пособий и методических разработок, а в том, чтобы упорно и настойчиво внедрять в их сознание, ради чего это необходимо делать. С той же настойчивостью следует избегать чисто учебных заданий, а ставить перед студентами реальные научные задачи, вовлекая их в свою исследовательскую работу. Нужно, чтобы студенты-этнографы писали рефераты в «Демос» и «Реферативный журнал» на вновь вышедшие сборники научных статей, рецензии на новые книги; чтобы они знали, что их труды — курсовые и дипломные сочинения — рассматриваются нами не просто как упражнения на заданные темы, а как научные исследования, которые (при условии, если они выполнены на должном научном уровне, о чем позаботятся также и преподаватели) могут быть опубликованы в научном журнале или сборнике. Разумеется, было бы наивно думать, будто стоит открыть перед студентами такую перспективу, как исчезнут все проблемы, связанные с активизацией их учебно-научной работы, но нет сомнения, что это поможет развязать творческую активность студентов.

На кафедре этнографии, кроме того, есть еще один существенный способ вовлечения студентов в научную деятельность — это экспедиционная («полевая») практика. Однако, чтобы отдача была максимальной, нужно ориентировать студентов не только на сбор эмпирического материала, но также на участие в его обработке и интерпретации.

Включение студентов в научную работу кафедры, введение их в актуальную проблематику современной науки помогут нам все решительнее переходить к более интенсивным методам обучения и воспитания, к обучению с обратной связью, направленной от студента к преподавателю. «Диалог, а не монолог, — вот что является необходимым элементом действительно творческого процесса образования и воспитания молодежи»³. Нет сомнения, что на кафедре этнографии Исторического факультета МГУ часть лекционных курсов можно превратить в семинары. Новым

³ Горбачев М. С. Речь на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук.

учебным планом восстановлены прежде практиковавшиеся экспедиционные семинары. Очевидно, такие семинары будут полезны и в других университетах страны.

Само собой понятно, что участие студентов-этнографов в экспедициях, их работу во время практики следует тесно связать с научными планами кафедры и посредством этого стимулировать самостоятельную деятельность студентов. Они должны видеть, понимать и чувствовать, что исследовательская работа кафедры, ее преподавателей, а следовательно, и их собственная — сопряжена с реальными задачами науки и потребностями практики. Такая работа для университетских этнографов — не новость, она проводилась и прежде, но теперь ее нужно осуществлять гораздо более последовательно и целеустремленно.

Кафедрой этнографии Исторического факультета МГУ уже сделаны дополнительные шаги именно в этом направлении. Заключен договор о сотрудничестве между кафедрой и Институтом этнографии АН СССР, в котором — помимо всего прочего — предусмотрен ряд совместных исследовательских проектов (разумеется, с участием студентов и аспирантов), работа студентов в научных экспедициях Института, а также проведение студенческой производственной практики в его секторах и отделах. Эти проекты имеют многоцелевое направление и предусматривают, в частности, практическое использование получаемых знаний. Кроме того, учитывая как научно-практические задачи, так и желание внести свой вклад в изучение этнографии русского народа кафедра заключила договор с одним из подмосковных совхозов о проведении этнографического обследования в зоне его размещения. Результатом этой работы будет, с одной стороны, конкретная помощь сельскому трудовому коллективу в планировании его социально-культурного развития, а с другой — исследование этнокультурных процессов в одной из центральных областей России.

Развитию творческого отношения к делу — к учебе и труду — у студентов может в существенной степени способствовать совершенствование ряда методических приемов, связанных с проведением мероприятий по контролю и выявлению знаний и навыков учащихся. На экзаменах, зачетах, коллоквиумах полезно так формулировать вопросы, задания, задачи, чтобы с их помощью выявились не только и не столько свойства памяти, чтобы мы не заставляли студентов лишь воспроизводить услышанное на лекции или прочитанное в учебнике (книге, статье); желательны, чтобы контрольные мероприятия стимулировали активное мышление, умение сопоставлять факты и концепции, комбинировать данные, способствовали приобретению навыков анализа и синтеза.

Проблемы, стоящие перед нами, думается, станут яснее, если мы более определенно представим себе, что в будущей работе нашим воспитанникам предстоит, возможно, не один раз менять характер деятельности, братья за разработку существенно различающихся проблем, уметь, например, «сегодня» квалифицированно разобраться в процессе этногенеза, «завтра» — участвовать в составлении картосхемы распространения типов жилищ в заданном регионе, а «послезавтра» — грамотно составить докладную записку в руководящий экономический орган о современном состоянии демографических и культурных процессов у некоторого народа и внести научно обоснованные предложения, направленные на их оптимизацию. Сказанное — не преувеличение, а сплошь и рядом имеющий место факт, обусловленный не только дефицитом профессиональных этнографов в стране (по ориентировочным данным, около 1 тыс. специалистов), но и реальными потребностями переориентации сотрудников на решение постоянно возникающих актуальных, в том числе прикладных, задач. Эту ситуацию нам необходимо учитывать в нашей педагогической деятельности. Опыт многих высших учебных заведений страны, готовящих специалистов для различных отраслей науки и производства, показывает, что наилучшую способность к периодической перестройке, переориентации проявляют специалисты достаточно широко профиля, получившие прежде всего хорошую теоретико-методологи-

ческую и методическую подготовку. Наш собственный — пусть еще и не слишком большой — опыт подтверждает такое заключение. Отсюда становится ясным, что нам предстоит усиливать именно теоретико-методологическую направленность в преподавательской работе.

Вместе с тем опыт показывает, что такой подход верен лишь до известных пределов. Этнография принципиально не может отказаться и от регионального подхода, от региональной специализации своих работников. Конечно, этнограф должен быть именно этнографом, а не только специалистом по этнографии одного народа или, что также бывает, знатоком лишь одного — двух аспектов культуры или быта этого же народа. Тем не менее подготовка в области региональной (в том числе и исторической) этнографии будет занимать важное, хотя и не преобладающее, место в общей системе обучения и воспитания специалистов-этнографов. Без этого мы рискуем утратить тонкое и детальное знание «фактуры» этносов, что отрицательно скажется не только на развитии классических форм этнографических исследований, но и существенно снизит качество статистико-этнографических, этносоциологических и других типов исследований, которые на них базируются. Исходя из сказанного, необходимо тщательно проанализировать, какие именно региональные курсы и семинары следует в настоящее время предлагать студентам, какие перевести в резерв, а какие постепенно готовить для введения их в будущем в учебный план.

Нетрудно заметить, что мы всякий раз готовим в известном смысле уникального специалиста, уникального в том отношении, что его знания в определенной мере специализированы и ориентированы на некоторый историко-этнографический регион. В этой связи возникает важный вопрос о языковой подготовке будущих этнографов, об изучении ими языков тех народов, которые расселены в соответствующем регионе. Необходимо наладить хорошо функционирующую систему, в рамках которой студенты (а нередко даже один студент) могли бы изучать языки народов СССР, а также восточные языки. Это нелегкая задача, но ее нужно и можно решить.

Целенаправленность нашей работы по подготовке профессиональных этнографов затрудняется тем, что мы не всегда имеем возможность ясно себе представить, для какого дела, для каких организаций и учреждений мы их предназначаем. Подготовленные нами этнографы нередко работают не по специальности. В договоре с Институтом этнографии АН СССР предусмотрена возможность поступления в Институт через его аспирантуру. Наши выпускники работают также в музеях, туристских бюро, в научных учреждениях, партийных и советских органах, школах, высших учебных заведениях и т. п. Однако специальной организации, выражающей, в частности, государственное, общесоюзное внимание к развитию этнографического образования, заинтересованной в подготовке и приеме на работу этнографов в нашей стране нет.

Потребность в такой общесоюзной организации нарастает и ощущается уже многими. Фундаментальная причина, диктующая необходимость ее создания коренится, конечно, не в сложных проблемах трудоустройства выпускников-этнографов, а в объективном факте полиэтничности нашей страны, в полезности научного обоснования мероприятий по оптимизации межэтнических отношений, по выявлению закономерностей действия этнического фактора в социальной жизни, в потребности научного обоснования управленческих решений и т. п. Мысль о необходимости создания центрального органа, специализирующегося на анализе подобных проблем, была высказана на XXVII съезде КПСС и в предсъездовской дискуссии. На ряде Всесоюзных этнографических совещаний было выдвинуто предложение о создании Всесоюзной государственной этнографической службы (ВГЭС), в рамках которой сосредоточилась бы разнообразная деятельность преимущественно прикладного характера. Создание ВГЭС позволило бы удовлетворительно решить многие задачи, в том числе и вопрос о главном и постоянном «заказчике» на профессиональных этнографов.

Нет сомнения, что профессиональная квалифицированная этнографическая экспертиза нужна сейчас многим — от тех, кто решает вопросы размещения производительных сил и трудовых ресурсов, до тех, кто занят сложными проблемами духовного производства. Кроме того, нужны специальные этнографические исследования поискового характера, ставящие и решающие актуальные современные и историко-этнографические проблемы. С таким образом поставленными задачами смогут справиться, конечно, только более многочисленные и хорошо подготовленные молодые кадры этнографов.

С этой точки зрения заслуживает специального обсуждения общий вопрос об университетском этнографическом образовании в стране. Едва ли мы можем сказать, что удовлетворены его постановкой. Начать с того, что в университетах СССР мало кафедр этнографии: они функционируют лишь в немногих университетах (Москва, Ленинград, Тбилиси, Фрунзе, Омск): в двух-трех университетах имеются небольшие группы и лаборатории этнографического характера (Казань, Томск). Во всех университетах читаются элементарные курсы этнографии, но далеко не всюду их читают профессиональные этнографы. Профессионально неподготовленные преподаватели подчас излагают студентам отжившие свое время схемы, а нередко просто пересказывают учебники.

Между тем имеется реальная возможность открыть кафедры этнографии в ряде городов, либо используя сложившиеся группы этнографов в университетах (Казань, Томск), либо опираясь на помощь научно-исследовательских институтов или же крупных этнографических музеев (Петрозаводск, Тарту, Ижевск и др.). В этом случае возникнет специализация кафедр не только по проблемам регионального характера, но можно будет вести научную работу и подготовку специалистов по отдельным направлениям этнографической науки.

Полезно специально обсудить вопрос о программе элементарного курса по основам этнографии для первого курса исторических факультетов, а также о подготовке и переподготовке читающих этот курс преподавателей.

Все это, однако, в будущем. А сейчас, думается, мы уже испытываем настоящую потребность в координации нашей работы. Этому во многом могла бы способствовать организация регулярных (скажем, ежегодных или один раз в два года) совещаний университетских этнографов поочередно в тех городах страны, где при университетах имеются кафедры этнографии.

Чрезвычайно важен вопрос о материально-техническом обеспечении исследовательской работы этнографов и преподавания этнографических дисциплин. Здесь мы сталкиваемся с большими трудностями, испытываем нужду в большом и малом — от элементарного экспедиционного оборудования до современной вычислительной техники.

Из всего сказанного выше видно, как непросты вопросы, поставленные в самом начале статьи. Конечно, профессиональный этнограф должен отвечать всем требованиям, предъявляемым к советскому молодому специалисту. Однако какие же требования следует предъявить к нему теперь, в период перестройки? Ясно одно: профессиональный советский этнограф — это прежде всего специалист широкого профиля, подготовленный в теоретико-методологическом отношении, ориентированный на возможность, а нередко и неизбежность тематической и даже проблемной перестройки в работе. Это, кроме того, работник, который обладает разнообразными навыками и умениями, усвоенными на практике и в экспедициях. Это, далее, работник, который не испытывает растерянности перед изучением современной этнографической действительности, будь то сельской или городской. Это, наконец, работник, который сделал интернационализм методологическим и нравственным принципом своей деятельности.

Обучить и воспитать такого специалиста трудно, но сделать это необходимо.